

«Акуленко пера»

Интернет журнал «Петрозаводск. Досуг и развлечения». 2009

В конце февраля петрозаводское журналистское сообщество облетело радостное известие: обозреватель газеты «Курьер Карелии» Валентина Владимировна Акуленко стала лауреатом премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство».

Признаюсь, что об этом известном не только в республике, но в России журналисте был наслышан, при встрече робко здоровался, читал ее очерки в «Курьере Карелии», но познакомиться лично духу не хватало... А тут такой шанс и повод - воспользовавшись своим служебным положением, познакомиться и узнать побольше о человеке, скрывающемся за печатными строчками на странице газеты... Не упустил!

Из написанного Валентиной Владимировной за годы работы в республиканских газетах впору составить солидное многотомное собрание сочинений. Но, что удивительно, она до сих пор помнит и даже хранит свою первую заметку «Весенняя сказка», опубликованную на четвертой странице «Комсомольца».

«Сочинила ее в девятом классе и заголовок сама придумала. Наивная и трогательная заметка. А когда увидела ее в газете, очень обрадовалась, почувствовала себя другой», - начала свой рассказ Валентина Владимировна...

Успех с неба не падает

- Другой?..

- Ну, напечатавшейся. Помню, директор нашей школы, учитель математики Исаак Самойлович Фрадков задержал меня в коридоре: «Акуленко, Валя, подойди сюда... Читал. Молодец. Пиши». Голова пошла кругом от его похвалы.

Бухгалтер молодежной газеты Иван Иванович выписал за «сказку» гонорар, как положено, и отправил по почте. Но свой первый гонорар я так и не

смогла получить из-за возраста: мне тогда минуло всего пятнадцать, паспорт еще не полагался.

А уже на полученный через год гонорар за репортаж из операционной хирургического отделения больницы купила четырехтомник Владимира Гиляровского. К тому времени я уже частенько публиковалась в «Молодежке» на страничке старшеклассника «Товарищ», грезила о журналистике. Хотелось быть таким же отважным и известным репортером, как Гиляровский.

- Стали отважным репортером, как Гиляровский?

- Почти. Правда, любимый жанр не репортерский, а очерковый. Честно говоря, надеялась, что за столько лет смогу достичь чего-то большего. Например, издать книгу очерков. Потом подумала: зачем? Ну, вышла бы книга, поставила бы ее на полку. Подарила бы десяток экземпляров друзьям. А читателей-то все равно у меня больше в газете! Словом, все неплохо складывается. Особенно минувший год порадовал: довелось испытать новый творческий всплеск. Зарисовка «Любовь и Окуджава» о дружбе петрозаводской девочки-художницы Любы Альгиной со знаменитым поэтом, опубликованная в майском номере московского еженедельника «Деловой вторник», привела меня в ряды авторов уникального издания российского масштаба, чем теперь очень дорожу.

Еженедельник выходит вкладками по России почти двухмиллионным тиражом. В нашем «Курьере Карелии» идет по четвергам и называется «Окно в мир». Приятно видеть свои материалы, отмеченными в верхней строчке рейтинга читательского интереса. Так что спасибо родному «Курьеру», где давно тружусь, за этот прорыв. Газете, которую я потчую своими текстами уже больше четверти века, не изменяю. Кстати, и она мне платит взаимностью. А успех нужен всем, чтобы не закисать. Но уж точно, он с неба не падает, нелегко достается.

И дело даже не в том, сколько лет ты работаешь в СМИ, а в том, что это тебе дает как газетчику, какого опыта ты набираешься, не теряешь ли желания оттачивать перо или в основном «гонишь строки»... Для меня никогда не было вопроса, о чем писать. Но я подолгу колдовала и колдую над тем, как написать, чтобы прочли. И не просто прочли, а запомнили. Блаженствую, если это удастся. Хотя тексты, от которых приятные мурашки идут по коже, случаются нечасто.

Мне нравится работать именно в ежедневной газете, в таком быстром и четком темпе.

Сибирская «ссылка»

- За столько лет - и не приелось?

- Конечно, я, возможно, и не умру тотчас же, если (тьфу-тьфу-тьфу) лишусь этой работы. Но стресс переживу мощный, жизнь сразу покажется пресной, как еда без соли, и противной, как чуть теплый чай.

Как-то зашла в редакцию однокурсница и так недоверчиво спрашивает: «Неужели не устала еще каждый день на работу ходить и что-то постоянно в номер сдавать?». «Знаешь, - ответила я, - у меня такое чувство, что я только недавно научилась мало-мальски сносно заметки писать». Она, конечно, не

покрутила пальцем у виска, чтобы меня не обидеть, но была готова.

Нет, честно, не надоело «заметки писать». Даже вот и рассказы пробую. Но эту высоту вряд ли одолею. Хотя иногда сама не знаешь, что можешь и как поступишь. Одному Богу, наверное, известны мотивы наших порывов.

- Куда же привели вас собственные порывы?

- Когда-то я сама «сослала» себя в Сибирь. Декан факультета журналистики ЛГУ Александр Федосеевич Бережной на распределении недоумевал, заботливо, по-отцовски вразумлял: «Зачем так далеко? У вас прекрасный диплом, выбирайте любой город. Хотя бы ваш Петрозаводск. Или Псков, Новгород, Архангельск, наконец... Зачем вам Красноярск, что вы там потеряли?». Я и сама не знала, зачем. Но как-то захотелось вдруг все круто изменить. Велика Россия! Аж дух захватывало от такой сумасшедшей идеи. Вот, думала, сейчас иду по Невскому, а завтра сяду в самолет и через пять часов увижу тайгу, Енисей... Начну совсем новую жизнь в совсем новом месте. Нестерпимо захотелось это осуществить. Так оказалась в Дивногорске, оправдывающем свое название. В городе-спутнике Красноярска, где стоит та самая знаменитая ГЭС. Вышла из «Кометы» - и не поверила глазам своим! Нереальная красота! Справа на горных террасах - поднимается вверх город со светлыми зданиями. Слева, величаво шевелится мрачноватый Енисей. Над ним «упираются в небо» отроги Саян.

Начинала в редакции городской газеты «Огни Енисея». Много печаталась и в краевой газете «Красноярский комсомолец». К нам в дивногорскую

редакцию несколько раз заходил Виктор Астафьев с женой, они жили неподалеку, в поселке Овсянка. Известный писатель оказался еще и обаятельным, добрым, веселым человеком.

В Дивногорске (а где же еще ожидать всего дивного!) скоро вышла замуж. Мой будущий муж мог бесстрашно зависать на высоченной скале над пропастью. Ну как было не влюбиться в такого! Однако поженились мы после того, как Стас нас обоих спас.

А дело было так. Мне страшно хотелось походить на лыжах в тайге. Вот и отправились. И хотя Стас - сибиряк, ни разу ни в тайге, ни в горах, ни в пещерах с пути не сбился, тут мы вдруг заблудились... Ночь в зимней тайге, в мороз - этот ужас надо было пережить! Стас держался внешне спокойно, даже шутил. Словом, вел себя по-мужски, так, чтобы я не сомневалась: выберемся. Утром на нас случайно вышел охотник. Только потом я узнала, насколько мало было у нас шансов не пропасть в тайге. Нам фантастически повезло. А мне повезло с таким спутником.

Дела семейные...

- А где он сейчас?

- Там же. Он не может без Сибири, без Красноярских Столбов. А почему я уехала? Поездив в командировки от Саян до Норильска, вкусив за два года сибирской экзотики, вдруг затосковала. И вернулась домой. Правда, уже не одна, а с дочкой. Устроилась в родной, хорошо мне знакомый «Комсомолец». С головой и с наслаждением ушла в работу. Командировки, поездки, стажировки. Полтора месяца стажировалась в «Комсомольской правде», когда ее выпускал звездный состав «перьев»: Руденко, Песков, Графова, Бочаров, Голованов, Губарев, Гутионтов, Хилтунен, Ажгихина и другие. Было у кого и чему поучиться.

- Вы дали начало династии карельских «акул пера», и ваша дочь Александра Озолина - талантливая журналистка. Внучка Антонина, вероятно, тоже по вашим стопам пойдет?

- Мы абсолютно не похожи с дочерью ни внешне, ни по стилю. И меня это радует! Саша - более аналитический человек, сдержанный, я - романтический и очерковый. И это здорово и интересно! Я всегда радуюсь, когда она соизволит прочитать мой текст, что случается крайне редко. Но если она прочтет и скажет что-то доброе, я на седьмом небе от счастья.

А внучка... У нее, конечно, журналистский характер. Есть надежда на то, что и она станет журналистом. Тоня любознательная, схватывает все налету, с

увлечением занимается только тем, что ей действительно нравится. Хотя часто НАДО, необходимо уметь делать и то, что не нравится. Пока это касается только учебы в школе. Пытаемся ей все это втолковать. С ней бывает трудно, но всегда интересно. Интуиция мне почему-то подсказывает, что она продолжит нашу журналистскую династию.

Я бы пожелала судьбу журналиста любому, потому что это не просто интересная профессия, а больше. Если профессия актера интересная, но зависимая, он все равно находится в рамках театра, в котором работает, в рамках, которые устанавливает режиссер, в рамках закрепившегося за ним актерского амплуа. То журналистский труд - независимый, есть выбор: ты можешь быть очеркистом, либо репортером, либо заниматься в жанре расследования, либо в газете, на телевидении или на радио. Иными словами, перед человеком огромное поле деятельности, выбора, познания... Журналист – он, как вечный студент, никогда не перестает учиться!

Гнев губит и разумных

- Ваши главные учителя в профессии?

- Их много. И все главные. Даже те, что на учителей, казалось бы, не похожи.

- То есть недоброжелатели?

- Угадали. Только от них можно услышать суровую правду о себе и своих заметках. Они - самые внимательные читатели и наблюдатели. Именно их пристальное внимание заставляет держать форму, лучше работать, не расслабляться. А друзья, почитатели, единомышленники любят нас и посему щадят. Хотя без них, без их поддержки, все невозможно и бессмысленно.

Вообще-то, насколько я успела понять, главные враги - мы себе сами. Когда говорим не то и делаем не так. И когда на ошибках не учимся. Когда злимся, гневемся. Вот даже в Библии сказано: гнев губит и разумных.

- Разве не хочется иногда отомстить, например, если вам по полной программе насолили?

- Еще как хочется. Но не получается. Не могу долго злиться и пребывать в состоянии транса. На работе, к примеру, стараюсь все отношения переводить в творческое русло или в юмор. Так проще. Правда, соблазн вызвать на дуэль возникал по молодости и горячности. И знаете, что меня выручало? Смешно

звучит, но мне всех жалко, и правых и виноватых. Не сразу, но на второй день после конфликта уже жалко, уже готова мириться. Стараюсь поставить себя на место человека, который меня якобы или на самом деле обидел. Проигрываю эту ситуацию. И выходит то, что я тоже не ангел и могу напрасным словом и делом кого-то обидеть или здорово разозлить. Просто умнее надо быть и терпимее. Зачем наживать себе врагов и набивать шишки на ровном месте?

И еще. Убедилась на личном опыте, что моральные страдания, пережитые в смирении, окупаются сторицей. А чтобы не мучиться от мрачных мыслей и не ворочаться по ночам, есть одно верное средство: работать, работать и работать, пока не свалишься от усталости.

- А если все же надо сделать выбор, а выбора-то и нет? То как поступаете?

- По принципу наименьшего зла.

Секрет вечной молодости

**- У вас высокая самооценка?
Только честно?**

- Не завышенная. Я, пожалуй, уже знаю, чего не могу, за что браться не стоит. Хотя пробовала себя в газетной работе и в разных жанрах, и в разных темах, и на разных должностях. Все пригодилось. Теперь в роли обозревателя ежедневной газеты чувствую себя уверенно, просто прекрасно. И, говорят, даже выгляжу моложе, чем пять лет назад, когда была «за редактора». Мешали и старили напряжение и страх не справиться с чем-то в работе. То есть

сделать что-то плохо. Теперь радуюсь освобождению от тяжелого груза ответственности за то, другое, третье. Отвечаю только за себя. Легко пишется, хорошо думается.

- Как относитесь к тому, что сегодня у нас много газет, а у вас - конкурентов?

- Лучше много, чем одна или две с «генеральной линией» и «бурными аплодисментами со вставанием». Мне есть с чем сравнивать. И я ценю свободу в СМИ больше, чем те, кто при ней родился. Мне нравится, что у некоторых молодых коллег и в нашей газете, и в других смелое, точное и лаконичное перо. Жаль только, что коллеги неактивно предлагают свои работы на российские конкурсы. Побед бы прибавилось.

Пиши, что нравится, остальное - от лукавого

- Почему вы так в этом уверены?

- Сегодня журналистика регионов сильнее, чем столичная. Там давно уже командировкам по России предпочитают зарубежные. Не все, конечно. Наиболее храбрые и мобильные коллеги ищут сюжеты в горячих точках. Немногие наведываются в глубинку. В так называемой центральной печати много политики, «размышлизмов», и редко найдешь то, что цепляло бы за душу, заставило бы незнаменитого человека поверить, что и он кому-то, кроме своей семьи, нужен, интересен. Журналистика гуманного и социального насыщения, где главные герои обычные, на первый взгляд, люди, почти исчезла в столицах, уступив место текстам, за которые иногда неплохо платят, - скандалам, эпатажу, заказам, сомнительной информации.

Кто-то скажет: такая пища в СМИ сегодня востребована, она вкуснее, и приготовить ее проще в больших количествах. Как фаст-фуд. Но вот врачи-диетологи и психологи решительно заявляют, что такая пища вредна. И ничто нам не заменит натуральную. Без красителей, подсластителей, окислителей, загустителей, заменителей, эмульгаторов, ароматизаторов, стабилизаторов...

- Так что же читать, когда читать нечего?

- Чехова, например. Кстати, работа в газетах не нанесла ущерб его творчеству, а, напротив, подвела к знаменитой фразе «Краткость - сестра таланта». Толстой ведь так не считает. Писатель, начинавший журналистом, не устарел и за сто лет. Сегодня с новой силой цитируют, ставят, экранизируют Чехова. Взять хотя бы его сахалинские заметки. Эти путевые очерки и сейчас бы (с современным, конечно, фактическим материалом) украсили любое издание.

- Как относитесь к разговорам о независимой журналистике? Бывает ли такая?

- Мне кажется, не стоит говорить о независимой журналистике вообще. Ее, скорее всего, и нет, но независимые журналисты имеются. Мы все понимаем,

почему нет, - потому что газеты и журналисты существуют в самых неблагоприятных условиях, все финансово зависимы. Там, где журналистика, почти не платят, там, где пиар, - деньги текут рекой. Мне кажется, сегодня читателю газет необходимо смотреть на то, кто написал статью... Даже в нашей газете (она, конечно, тоже несвободна), но меня никто не заставляет писать то, чего я не хочу. Пусть заработаю поменьше, но все равно пишу то, что считаю нужным, - вот и вся независимость! Остальное - от лукавого.

- Ну а как же Ленинградский университет, факультет журналистики? Там что читали, у кого учились?

- Тогда (в семидесятые) мы зачитывались Хемингуэем. Думаю, не требуется объяснять, почему. А на факультете лично мне интереснее всего были практики в редакциях газет. Как правило, летом, в любом, по выбору, уголке страны. Хоть в Ташкент поезжай, хоть в Магадан. В редакциях мы и учились писать.

- Какие города выбрали вы?

- После первого курса - Севастополь, чтобы накупаться вволю в Черном море. После второго - Ростов-на-Дону: хотелось увидеть то, о чем писал Шолохов. После третьего - Орел, чтобы побывать в тургеневском Спасском Лутовиново и в толстовской Ясной Поляне.

Да что там говорить! Учиться в Питере стоит уже только потому, что это самый красивый город в мире. Для меня во всяком случае.

- Что вам дал факультет журналистики?

- Четкое представление о том, как делается газета: от «А» до «Я». Не только о творческом этапе, но и о производственном и прочем. То есть выпускник журфака в идеале - готовый главный редактор. Если он к этому стремится. Я начала учиться на журфаке уже с неким багажом знаний о профессии, который получила дома, в Петрозаводске, в юнкоровском клубе старшеклассников «Товарищ» при редакции республиканской газеты «Комсомолец». Нашим клубом бессменно руководил его создатель, теперь Заслуженный журналист Карелии Евгений Давыдов. Но это отдельная тема. Скажу только, что заметки писать учил Давыдов. И первые, как оказалось, главные заповеди профессии я услышала тоже от него, от Давыдова. Например, такую: сначала сделай, а потом про это напиши. Или еще: пиши так, как рассказываешь своему другу в письме, тогда будет интересно и живо. И еще он говорил нам: «Вы многое сумеете, просто вы себя не знаете».

И вот на зимних каникулах меня от клуба послали провести трехдневный сбор комсомольского актива в Пудожье. И провела, и получилось. Мне же казалось, что нет у меня организаторских способностей. А тут вдруг

обнаружились. И репортаж о сборе получился такой, что его отметили взрослые журналисты на редакционной летучке. Другая заповедь: пиши только о том, что хорошо знаешь. И еще одно, может быть, спорное: «Если хочешь потерять друга, напиши о нем в газету». Еще одна давыдовская фраза врезалась в память: мы не обладаем всей объективной информацией...

Мы и сегодня о многом не в курсе. Или знаем только часть правды. И это одна из причин, почему я не выбрала, например, жанр журналистского расследования. Кроме того, что для него нужна фронтовая смелость, крепкое здоровье, сильный характер, нет уверенности, что в своем расследовании ты расставил все точки над i. Или, что еще хуже, не обслужил чьи-то интересы.

Но я безмерно уважаю тех своих коллег, которых ничто не останавливает в желании докопаться до истины. Честь им и хвала.

Вопреки всем обстоятельствам

- Кого из таких смельчаков могли бы назвать?

- Студенткой мне повезло познакомиться лично, а потом и переписываться с известным журналистом и писателем **Аркадием Яковлевичем Сахниным**. Он

с 1970 по 1985 год заведовал отделом в журнале «Новый мир», а номера «Известий» или «Комсомольской правды» с его очерками раскупались в киосках мгновенно. На первом курсе я готовила курсовую работу о творчестве Сахнина. И мне пришлось в голову сообщить ему об этом. Скоро получила ответ с приглашением в гости.

Три дня я провела в московской квартире у мэтра журналистики. Аркадий Яковлевич и его супруга приняли меня, как дочь. Мы допоздна беседовали на кухне. Все было просто, по-человечески, никакого барства.

Сахнин сводил меня в Центральный дом литераторов, там познакомил с известными писателями и поэтами. С кем именно, уже не помню. Помню главное, ради чего и приехала: его рассказ о том, как он работал над очерком «В рейсе и после», расследуя одно из самых громких дел, потрясших страну. Очерк опубликовала «Комсомольская правда», в газете «Известия», куда принес его Сахнин, не решились.

То, о чем не побоялся рассказать Аркадий Сахнин, творилось на Объединенной флотилии, которую возглавлял генеральный капитан-директор Герой Социалистического труда А. Соляник. Об этой китобойной флотилии вышло немало хвалебных публикаций. А тут такие безобразия, рассказанные журналисту моряками-китобоями.

Сахнин отправился с флагманом в очередной рейс и убедился, что китобой несколько не сгустили краски. На флотилии царил дикий произвол. Здесь тиранически властвовал один человек - этот самый Соляник. Своевольный, корыстный, он ни во что не ставил ни достоинство, ни здоровье, ни жизнь своих подчиненных.

Флотилия именовалась Антарктической. Но Соляник предпочел охотиться на китов в тропиках. Люди работали в невыносимых условиях. Занятые на разделке туш дышали раскаленным воздухом, насыщенным ядовитыми парами. Китобой теряли сознание, падали в обморок. Они возмущались, требовали улучшить условия труда. Все бесполезно.

О своем же комфорте Соляник позаботился. На аварийном мостике приказал соорудить для себя бассейн. В нем плескался вместе с новой молоденькой женой. На виду у изнывающих от жары китобоев. Моряки болели и умирали. Тела погибших замораживали и по завершении промыслового рейса доставляли в Одесский порт. Пока торжественно гремели оркестры, из трюмов с холодильниками выносили гробы...

Перед тем как сойти на берег, Сахнин встретился с Соляником. Тот знал, зачем журналист отправился с ними в рейс. Поэтому показал ему альбом, где запечатлен с сильными мира сего. Дескать, знай, с кем имеешь дело.

Публикация в «Комсомолке» произвела эффект разорвавшейся бомбы. В аппарате ЦК ее вроде одобрили. Но не все. Парткомиссии поручили проверить факты.

Они более чем подтвердились, даже всплыли новые неприглядные. Вопрос был вынесен на заседание Секретариата ЦК КПСС. Соляника развенчали.

Однако власть всегда найдет, на чем отыграться. Из «Комсомолки» удалили главного редактора Воронова, опубликовавшего очерк Сахнина. Отправили надолго собкором в ГДР. Так или иначе, наказали всех, кто выводил Соляника на чистую воду.

И все-таки. Несмотря на то, что время, в которое работал мужественный журналист, участник Великой Отечественной войны Аркадий Сахнин, мы не жалуем и не жаждем его возвращения, наказать с помощью журналистского расследования зарвавшегося царька тогда оказалось возможным. Возможно ли такое сегодня? Судьба редактора городской газеты в подмосковных

Химках, пытавшегося защитить от варварского истребления близлежащие леса, говорит о том, что торжествуют именно Соляники.

- Какой напрашивается вывод?

- Очевидный. Журналистика - вечный фронт. Каждый из нас занимает на нем свою позицию. Мужчинам, как на войне, достается самая тяжелая и опасная работа. Хотя и некоторым отважным женщинам-журналисткам - тоже.

Я выбрала для себя довольно мирный жанр очерка, в котором можно о многом высказаться, за кого-то вступить, за что-то доброе и разумное побороться. Кто-то из коллег сравнивал меня с ежиком: по-женски миролюбивое с виду существо, но в руках не удержишь - колючки выпускает.

- А как же их не выпускать иногда?

- Всегда была уверена, что нет ничего интереснее неординарного человека, который старается жить достойно вопреки любым обстоятельствам. Таких героев я ищу и нахожу. На них земля держится. За очерки о таких незначительных людях («Негрешные ангелы», «Упрямый Елупов», «Теплая планета Макаровых»), меня и удостоили высокой награды - Лауреата премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство». Если бы я ее не получила, то не удивилась бы: сильных конкурсных работ, надеюсь, хватало. Но я не удивилась и тому, что получила эту главную в нашем профессиональном сообществе премию, потому что ее заслужили мои герои. А мне просто посчастливилось с ними встретиться и о них рассказать.

[Дмитрий Голубев](#)

05.03.2009
